18+

МИСТИ ДЖУЛ

Эфирный след

Мисти Джул

Эфирный след

«Издательские решения»

Джул М.

Эфирный след / М. Джул — «Издательские решения»,

Двадцать восемь лет — прекрасный возраст для новой жизни, если тебе удалось сбежать на другой конец света, сменить имя и спрятаться от мужчины, который превратил твой дом в персональный ад. Но Кристина не учла одного: её искал не Алекс. Её искало само зло.В гробовой тишине тюремного карцера Алекс отчетливо слышит: Цок. Цок. Цок. Ритмичный стук женских каблуков приближается прямо из глубины бетонной стены. Она вернулась. Она пришла, чтобы задать один-единственный вопрос: «Почему ты меня убил?»

© Джул М.
© Издательские решения

Содержание

Эфирный след. Пролог 6
Закончить, чтобы начать 7
Запах правосудия 8
Не ожидал? 9
Казнить, нельзя помиловать 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Эфирный след

Мисти Джул

© Мисти Джул, 2026

ISBN 978-5-0071-5697-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эфирный след. Пролог

Мне двадцать восемь и моя крыша потихоньку прощается со мной. Каждый день эти чертовы вьетнамские флешбэки. Я уже год живу в другой стране, под другим именем, но это ощущение, что в спину дышит монстр… В новой стране солнце светит иначе, но тени… тени здесь такие же длинные и пугающие. Иногда мне кажется, что в толпе я вижу край его пальто, и воздух вокруг мгновенно превращается в лед.

Мы познакомились, когда мне было девятнадцать. Наверное, история абъюза у всех одинаковая. Отличаются только методы уничтожения и степень последствий. Что ж, мне не повезло максимально. Разорванная селезенка, выбитые зубы, сломанные пальцы по шкале 9 из 10, самооценка где-то на дне Марианской впадины.

Итак, мне девятнадцать. Ему двадцать восемь. Мысли так и путаются. Я пытаюсь вспомнить что-то хорошее, но оно упорно ускользает и мне картинами из фильма ужасов выдает кровавые сцены расправы. Так устроен наш мозг: *плохие истории запоминаются сильнее*, чтобы мы могли не допустить их в будущем. Но кто мы такие, чтобы слушать мозг, да? Такое ощущение, что избивая меня, он выбивал из меня не дурь, как он говорил, а способность мыслить здраво. Сейчас я думаю, где был мой инстинкт самосохранения? Почему после первого, второго, десятого раза я думала: «Ну, нет. Теперь-то он точно перестанет, теперь-то он изменится.» Твою мать, ну что за дура. В топку диплом психолога.

Извини, я не могу собраться. Поэтому буду говорить так, как мне приходит в голову: отрывками, сумбурно и своими словами. Хотя чьими еще словами мне говорить, ха. Это нервное. Я впервые решила высказаться. И мне очень страшно. Страшно, что именно меня будут осуждать, а не того, кто это со мной сделал.

Знаешь, я думаю, это началось не вчера. Я про себя. Думаю, это все из детства. Мой отец не был склонен к демонстрации любви. Она выражалась довольно странно: постоянная критика и игнор. Я всегда была недостаточно хороша и любовь надо заслужить, только никто никогда не говорил, что же надо сделать такого, чтобы эту любовь выдали под расписку. Всегда -НЕДО… Наверное, он меня никогда и не любил. Такое бывает.

Ты, наверно, думаешь, давай уже ближе к делу, мы тут собрались не за этим! Не торопи меня, мне сложно. Знаешь, это как алкоголику нужно признать, что он алкоголик. До конца не осознаешь происходящее и до последнего не веришь, что это произошло и куда докатился. Так и у меня. Я не понимаю как я в это влипла, и как мне отмыться. Дай подумать. Хочешь расскажу то, от чего у тебя волосы зашевелятся? Все как в тумане…

Закончить, чтобы начать

Я открываю дверь и… Удар был не звуком. Он был вспышкой белого света где-то за глазницами. Мир качнулся, стены коридора сложились, как карточный домик, и я поняла, что лечу. Держусь за голову, пытаюсь по стенке подняться и… снова удар! Я снова на полу, голова раскалывается. Я хватала воздух, но он казался острым, как осколки стекла. Левый глаз заплывал горячей темнотой. Силуэт надо мной не был человеком — это была бесформенная гора ярости, затмившая лампочку в прихожей. Чувствую невыносимую боль во всем теле, потому что меня убивают. И это не преувеличение. Я хочу закричать, но вылетает только еле слышный хрип. Кажется, одно ребро уже сломано. Тихий хруст, как у сухой ветки. Странно, но это не пугало. Пожалуйста, пусть это все закончится. Не важно как, но пусть закончится. Что на этот раз я сделала??? Или не сделала??? ЧТОООО? Я уже даже не пытаюсь сопротивляться. Не сворачиваюсь в клубок, чтоб уберечь свои внутренние органы. Просто жду конца. И лучше бы в этот раз он меня добил. Пусть его посадят за убийство.

Когда мы жили вместе соседи перестали приходить на шум. Раньше они пытались мне помочь. Когда я еще кричала, когда защищалась. Вызывали полицию. Они больше не вызывают ее. Зачем тратить время на ту, что всегда возвращается?

На выгоревшей лужайке перед домом толпились люди. Они стояли группами, делая вид, что просто обсуждают засуху, местные новости, школьные дела, но их взгляды были прикованы к окнам первого этажа. Из глубины дома доносились глухие удары, звон бьющегося стекла и надрывный крик женщины, который резко оборвался на полуслове. Кто-то из новеньких еще пытался делать нерешительные шаги в сторону входа, но его тут же одергивали те, кто наблюдал за этим годами.

Все всё прекрасно знали. Слышали. Понимали. Но благопристойный пригород предпочитал оставаться слепым. Максимум, на что хватало заботливых соседок — это сочувственно качать головами вслед, когда я на следующий день шла в магазин, пряча багровые синяки за огромными солнцезащитными очками и повязывая шарф повыше на шею. Они шептались за моей спиной, давали бесполезные советы, но никто не решался больше помочь, потому что ответ всегда был одинаков: «Все в порядке, мы сами разберемся».

Моя смерть станет для них облегчением. Тишиной, за которую не нужно оправдываться перед совестью. Хоть бы это был тот самый раз. И полицейские, наконец-то, оформят его по полной. Да, ценой моей жизни, но он не сделает такого с кем-то еще. Твою мать, какая дура. Что за жертвенность? Спасай себя! У меня нет сил спасаться. Я принимаю то, что со мной происходит. Я сдалась. Пусть соседи, наконец, услышат не крик, а эту окончательную, позорную тишину и вызовут труповозку. Зафиксируйте время: 12 сентября 2025 года, 21—35. *Время, когда я перестала быть.*

***

— Что со мной? Я жива? Ничего не видно. Это мои мысли или я говорю вслух? Боже мой, ничего не понимаю. Сколько шума в голове. Хватит! СТОООП!

— Я жива? — мой голос прозвучал в этой пустоте чужим отвратительным скрипом.

А дальше… тишина. Не та, что после ссоры. Другая. Плотная, как гудрон. Она вливалась в уши, липкая и холодная, затягивая в воронку, где нет ни боли, ни Кристины.

— Я жива?

Пустая черная дыра. Такая оглушительная, что хотелось кричать, но даже писк не посмел вырваться наружу.

— Так я жива или нет? — прозвучало с долей раздражения, это единственный вопрос, который повис в воздухе без ответа.

Запах правосудия

Прошло полгода, но время — это иллюзия, когда твои кости всё еще помнят удары. Сегодня я пришла как тень. Серое пальто, неброский макияж — я труп, вернувшийся на место преступления, чтобы увидеть, как преступник идет на плаху. Эдакий призрак правосудия, который наблюдает со стороны, как закон побеждает самодовольных любителей взять женщину силой. Видели бы вы их лица, когда им оглашают срок заключения. Каждый раз одно и тоже: удивление и возмущение. «Что? За женщину мне дали пятнадцать лет? Я не согласен!» Ой, да кто тебя уже спрашивает? Надо было думать до того, как решил, что женщина — боксерская груша. Но сегодня особенный процесс. Сегодня судят моего личного обидчика. Алекс. Красавчик Алистер. В оранжевой робе ты выглядишь как экзотическая птица, запертая в клетку из порока и правосудия. Наручники на запястьях поблескивают под лампами дневного света, и этот звук… ммм, мелодичный лязг металла о металл для меня слаще любой симфонии. Наручники — лучший аксессуар на твоих запястьях. Дьявол не носит Прада — дьявол носит оранжевую робу. Ты озираешься по сторонам в поисках хоть одного сочувствующего взгляда, но натыкаешься только на ужас и презрение. Наконец-то, до тебя дотянулась рука Фемиды и ты загремишь надолго!

Не буду себя обманывать, мне нравится происходящее. Я смакую каждую деталь. Запах деревянной скамьи, стук молотка, когда судья просит зал успокоиться, твои испуганные глаза загнанного зверя. О, как же тебе страшно! Даже через весь зал я чувствую запах твоего пота и адреналина, слышу, как неровно стучит сердце, вижу, как вся твоя уверенность в собственной невиновности и правоте тает при каждом новом доказательстве вины за то, что так расправился со мной. Это все действует на меня, как афродизиак. Надеюсь, никто не заметит, как я невольно ерзаю от наслаждения. Возмездие — дико возбуждающий процесс.

Я пристально наблюдаю за тобой. Посмотри на меня. Смотри на меня! Сквозь шум и двадцать рядов возмущенных людей мы наконец-то встречаемся взглядами. Ты обомлел? А что случилось? Взгляд, искра, безумие. Нет, это уже в прошлом. Теперь только страх. Не ожидал меня увидеть? Мое лицо заставляет вспоминать те прекрасные моменты, когда мы были счастливы? А, ну да… у нас же не было таких моментов. По крайней мере у меня. Или я забыла, совсем отбила голову. Мы же тут и собрались по причине моей отбитости, да и твоей тоже, будем честными. Твои зрачки расширились — зверь почуял охотника. Мое сердце забилось в такт судейскому молотку. Это мое очищение. Темное удовольствие лавой разливается по венам, как запретное лекарство.

Смотри на меня, Алекс. Смотри, как я вдыхаю твой конец.

Не ожидал?

Засов камеры с шумом закрыл Алексу путь на свободу. В камере он чувствовал полное опустошение. Его серо-голубые глаза сейчас казались темно-серыми от тусклого света и воспоминаний из зала суда, где присяжные однозначно вынесли вердикт: «Виновен». Некогда высокий и крепкий мужчина сейчас виделся более щуплым и уязвимым.

Алистер погрузился в свои воспоминания, чтобы понять, где же он свернул не туда. Где его жизнь дала трещину и превратилась в настоящий тектонический разлом.

Первым на ум пришел отец. Конечно же, куда без Билла. Он был вездесущ. Как они с мамой настрадались от его пьяных выходок. Хорошо, что он давно мертв, старый козел.

Потом пришли в голову его школьные подружки, которые пытались им помыкать. Но он не какой-то подкаблучник — с ним игры разума не прокатят. Все манипуляции он ловил еще на подходе. Тут Алекс даже усмехнулся, откуда такое поведение берется в неокрепших девичьих головах? Все одинаковые. Кроме Крис.

Вот уж кто действительно его зацепил. Такая покладистая. Казалось она на все готова ради него. Ну, почему Крис так изменилась? Зачем она сбежала? Я же так заботился о ней, все дал! Такая красивая пара, и такой печальный конец.

С верхней полки выглянула чья-то рыжеволосая голова и достаточно дружелюбно произнесла:

— Привет, бро, я — Сэм. А ты?

— Алекс, — угрюмо ответили с нижней полки, давая понять, что разговор не интересует.

Голова все поняла и вернулась обратно на подушку.

Так прошло несколько дней. Молчание постепенно сменялось короткими фразами между сокамерниками. В основном, начинал общение Сэм. Но Алекс предпочитал даже не смотреть на него, будто сам себя наказывал не только по суду, но и по совести. Изоляция от всех — единственный выход. Но уже через пару недель у Сэма получилось разговорить молчаливого собрата. И тогда Алекс впервые разглядел соседа сверху. Растрепанные волосы, небольшая россыпь веснушек на лице и карие глаза с удивительно глубоким и грустным взглядом.

— Сэм, ты кажешься нормальным, — нарушил тишину Алекс. — Ну, в плане, ты совсем не похож на того, кто может совершить кровавую расправу или украсть миллионы из банка. Что с тобой случилось?

— О, Ал, это долгая история, — Сэм грустно усмехнулся, свесив ноги с верхней полки.

— Знаешь, любая длинная история для начала может уложиться в пару фраз, — подначивал Алекс, впервые проявив искренний интерес к сокамернику.

Сэм замолчал, уставившись в стену, а потом тихо произнес:

— Если в пару фраз, то… Я никогда не доверял мужу моей сестры. Мне все вокруг твердили, что он отличный малый, но я нутром чуял гниль. И однажды я пришел к ним в гости, а дом абсолютно пуст. Ни ее, ни его, ни вещей. Спустя неделю мою сестру нашли в канаве с ножевыми ранениями. Почти сразу копам поступил анонимный звонок: якобы кто-то видел, как я тащу труп. Меня обвинили в том, что я убил и сестру, и ее мужа, хотя его тела так и не нашли.

Парень обреченно вздохнул.

— Я никого не убивал, Ал. Ни единого человека. Но мне никто не поверил. Дело состряпали на скорую руку, быстро довели до суда, и вот… теперь, бро, мы с тобой разговариваем по душам.

— Мне жаль, Сэм, — искренне произнес Алекс, глядя на парня. — Я уверен, справедливость еще постучит в эту камеру, и ты выйдешь на свободу.

— Давай спать, бро, утром нам постучат только надзиратели, — обреченно ответил с верхней полки Сэм, повернулся на бок и попытался уснуть.

В маленькой бетонной коробке, где тусклая лампочка стирала границы времени, снова воцарилась тишина. Но теперь она больше не была враждебной. Между взрослым мужчиной, раздавленным собственным грехом, и молодым парнем, запертым за чужое преступление, протянулась невидимая нить дружбы.

***

— Утренний обход!

Кристина с надзирателем шла вдоль камер, где все выстраивались вдоль стены в ожидании утренних ритуалов унижения. На третьей камере тюремщик задерживаться не стал, в отличие от нее. Очень захотелось познакомиться с новеньким и Кристина, которая работала тут тюремным психологом, открыла личное дело.

— Алистер Брок? — имя разнеслось эхом по коридору.

Мужчина повернул голову и застыл в страхе и полном смятении. Его лицо стало настолько серым, что легко могло мимикрировать под стену.

— А..ты..Ты?

— Здравствуй. За что ты тут? — сарказм пронзил воздух, — Кошмары, бессоница, нежелание жить? — не дождавшись ответа, Кристина бросила на Алекса пустой взгляд и устремилась прочь. До заключенных только и доносился стук каблуков.

Алекс стоял не смея ни моргать, ни дышать. Губы, глаза, легкие стали такими же сухими и безжизненными, как пустыня Гоби. Даже если он что-то и мог выжать из себя, это бы не стало словами, скорее звуком трения песка по стеклу. Будто кто-то вывернул термостат на полную — так ощущался воздух в камере.

— Чувак, с кем ты только что говорил? — Сэм перегнулся с верхней койки и смотрел на Алекса с недоумением и ужасом.

Алекс может быть и хотел ответить, но не мог. Будто ночной паралич сковал все тело, только Алистер не спит. Сэм медленно поднялся с койки. Его подбородок дрожал, а глаза были прикованы к пустой, казалось бы, решетке. Он смотрел на точку в пространстве, где застыло холодное сияние.

Алекс сглотнул, его лоб покрылся липкой испариной. Тишину нарушил Сэм.

— Я видел девушку. Но, Алекс, бро,… сквозь её халат была видна стена. И она не шла. Она словно… скользила по воздуху, не касаясь пола. Но откуда тогда звук каблуков? Ты ее знаешь?

Алекс закрыл лицо руками. Стены камеры начали сжиматься. Если ее видел Сэм, значит, она не иллюзия. Значит, Кристина действительно вернулась. С того света. В тюрьму. За ним.

— Я ее убил, — прошептал он в ладони. — Я видел, как из нее ушла жизнь. Двенадцатого сентября. В девять тридцать пять вечера.

По коридору пронесся ледяной сквозняк. Свет в блоке «С» мигнул и на мгновение погас. В этой секундной темноте оба услышали один и тот же шепот, раздавшийся прямо между ними:

— *Плохое запоминается лучше хорошего*, правда, мальчики?

— Это реально? — одними губами прошептал Алекс.

— Бро, я тоже видел эту ледяную куклу, — послышалось со второй койки.

Алекс поднял глаза, недоуменно прищурив их, но промолчал.

Сэм оглядывал камеру, и ему казалось, что стены дышат. Чужие записи на бетоне выглядели как шрамы на теле старого зверя. Он понимал: здесь у каждого своя бездна, но бездна Алекса была особенной. Она была… обитаемой.

Алистер сидел, уставившись в одну точку. В его голове билась мысль об извинениях, но она была жалкой, как мотылек в банке. «Извини» — слово, которое не может склеить разбитый череп или вернуть дыхание. Он чувствовал, что Кристина не просто рядом. Она проникала в

его сознание. Каждая его мысль теперь проходила через ее цензуру. Она стала кукловодом, и ниточки уходили вверх, в непроглядную темноту тюремных перекрытий.

***

Кристина вошла в комнату отдыха. В углу стола стояла чашка с недопитым кофе — горький, давно остывший напиток. Она выпила его на одном дыхании, пытаясь отыскать в нем хоть каплю тепла. На мгновение показалось, что оно коснулось горла. Но иллюзия исчезла, сменившись привычной пустотой. В своем кабинете, среди формальностей и строгих правил, она искала контроль, в нем она возвращала себе силу. Но в этой комнате было столько живой энергии, что она не могла сосредоточиться.

Воспоминания сжимали ее грудь, как невидимые цепи. Сегодня она снова столкнулась со своим демоном. Алекс был здесь, запертый в клетке. Теперь она была на другой стороне закона, как древнее божество справедливости, играющее с чужими судьбами. И панически боящееся своего собственного падения в бездну. *Где грань, когда справедливое возмездие становится преступлением?*

Кристина вспомнила миг, когда все закончилось. Тот самый вечер. Скамью подсудимых, угрюмые стены зала и обнаженные чувства. Мрак болезненных воспоминаний безнадежно затягивал в свои объятия и, Кристина закрыла глаза не в силах сопротивляться. Стены кабинета задрожали. Офисная пыль исчезла. На мгновение комната превратилась в залитый кровью коридор.

Ее мысли прервала резко распахнувшаяся дверь и влетевший в кабинет начальник тюрьмы Уотсон. Он был не на шутку встревожен, взял в руки чашку, которую только что опустошила Крис, и чуть ли не взвыл от возмущения:

— Твою мать, кто решил, что можно допивать мой кофе?

— Прошу прощения, капитан, я думала, что это моя чашка. Видимо, надо пометить ее, чтобы больше не путать. Мне так неловко!

Её голос звучал мягко, в нем слышался шелест сухой листвы. Уотсон даже не взглянул на нее — его гнев требовал более масштабных разрушений. Он сорвал трубку, и его крик эхом разнесся по бетонным артериям тюрьмы:

— Всех срочно сюда! Есть разговор!

Кристина стояла и почти не отсвечивала, чтобы на нее не полетели искры от разгневанного начальника. Интересно, что его так разозлило?

Когда кабинет заполнили надзиратели, Кристина отступила в тень угла. Она стала почти невидимой — просто еще один элемент интерьера, как сейф или старый календарь. Уотсон брызгал слюной, крича о поножовщине в зале свиданий. Поножовщина… кровь на кафеле… запах страха. Внутри что-то отозвалось. Кристина ощутила, как воздух в кабинете стал более напряженным, словно сослуживцы впитали в себя весь негатив капитана. Как психолог она знала, что разразившаяся в столовой поножовщина — это не просто сообщение, а настоящая катастрофа, которая могла затмить даже обыденные преступления. Статистика здесь не прощала. Тем более через неделю должна приехать проверка из муниципалитета. Ну и полетят же головы с плеч!

Капитан Уотсон, заметив, что его подчиненные по-прежнему в ступоре, скрестил руки на груди и устремил взгляд на Кристину.

— Вы не собираетесь проявить инициативу и все-таки узнать, что происходит? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Кристина не могла отвернуться. Она кивнула, чувствуя, как внутри шевельнулась старая привычка повиноваться сильному мужчине.

— Я… я пойду разберусь, — сказал надзиратель Стив, который незаметно подкрался и встал рядом.

Привычное состояние покорности отправило Кристину к выходу следом за Стивом. В коридорах тюрьмы воздух стал густым и едким. Страх здесь всегда пах аммиаком и дешевыми сигаретами, которые незаконно проносили продажные работники тюрьмы. Дойдя до столовой, она увидела, как двое охранников с трудом удерживали одного из заключенных. Тот был совершенно не в себе. Это Джейк из корпуса «В» — огромный, сильный парень, который обычно никогда не лез в конфликты. Но сейчас он злился, его голос звучал угрожающе, а ноздри расширялись, словно он собирался выдохнуть настоящий шторм.

— Провалитесь вы все к черту! Я не собираюсь ждать, когда меня убьют! — выкрикивал он. Его голос стремительно перерастал в безумный крик, сея растерянность среди окружающих. Хотя некоторые из зрителей были спокойны и даже ухмылялись.

Кристину охватила паника, которую она не испытывала со времен первого рабочего дня в тюрьме. Ей нужно было немедленно собраться, вернуть ситуацию под контроль и ответить этому человеку.

— Эй, если ты не успокоишься, я буду вынуждена вызвать подкрепление! — произнесла она, стараясь сделать голос как можно более уверенным. Каждое слово должно было звучать так, словно за ним стояла вся сила закона, но внутри неё всё дрожало.

Мужчина оцепенел, будто ее слова ударили его наотмашь. Его глаза встретились с ее глазами. Кристина стояла прямо перед ним. Свет ламп над ними замигал, а по залу пронесся ледяной вздох. Заключенный внезапно осекся. Его ярость начала испаряться, сменяясь неизвестным ему ощущением. Он смотрел на неё не моргая — и в его глазах, расширенных от ужаса, Крис увидела свое истинное отражение. Там, в его зрачках, она больше не была психологом. Там она была бледным пятном во тьме, от которого веяло могильным покоем.

— Я помогу тебе, — прошептала Кристина.

Джейк обмяк и повис на руках охранников. Он выдохнул с надеждой на спасение и почему-то поверил психологу — хрупкой белой девушке с мертвенно-спокойным взглядом.

Казнить, нельзя помиловать

Конфликт между Джейком и Борисом был похож на столкновение двух враждебных планет, разделенных бескрайним вакуумом тюремных инструкций. Джейк находился в блоке «В» — месте для тех, чья вина еще вызывала вопросы или чья натура была слишком хрупкой для строгого режима. Борис же царил в блоке «С», в самом сердце бетонного левиафана, где стены впитали достаточно ненависти, чтобы начать фонить.

Их война началась в «нейтральной зоне» — прачечной, где дважды в неделю пересекались рабочие смены разных блоков.

Джейк, чье лицо еще сохранило черты человека, видевшего солнечный свет без решеток, совершил фатальную ошибку: он не опустил взгляд. В тот душный день, среди пара и грохота огромных центрифуг, он услышал, как Борис хвастался перед шакалами подробностями своей жизни на воле. Борис говорил о детях так, словно они были коллекционными марками, а не живыми душами.

— Прикиньте! Заманить ее к себе оказалось так легко. Эти девки из неблагополучных семей такие доверчивые. Каждый раз ведутся, стоит им предложить что-то слаще тумаков.

— Ты — не человек!, — голос Джейка преодолел шум машин. — Ты — педофил! Гниль. Тебе не место среди людей даже здесь!

В прачечной наступила тишина, прерываемая лишь тяжелым вздохом парового пресса. Борис медленно повернул голову. На его лице, заросшем неряшливой щетиной, не было гнева — лишь холодное любопытство хищника.

— Блок «В» совсем распустился, — тихо произнес Борис, и его слова прозвучали как смертный приговор. — Мальчик думает, что стены между нами спасут его сердце от заточки.

С этого дня жизнь Джейка превратилась в кошмар. В тюрьме стены имеют уши, а охранники — свою цену. Через «бегунков» — заключенных, имевших допуск к раздаче еды или уборке коридоров, — Джейк начал получать «послания». Сначала это была мертвая крыса, затем — записки, в которых Борис в деталях описывал, как именно Джейк умрет в день муниципальной проверки.

Борис использовал свои связи в блоке «С», чтобы подкупить одного из дежурных надзирателей. План был прост и страшен: в пятницу, во время медосмотра, когда блоки смешиваются в узком коридоре санчасти, Джейк должен «поскользнуться» в нужное время в нужном месте.

Джейк знал это. Он чувствовал приближение смерти так же отчетливо, как чувствуется приближение грозы по душному спертому воздуху. Но он не знал, что в эту шахматную партию вступила третья фигура. Фигура, которая не подчинялась ни расписанию смен, ни тюремным засовам.

***

Ночная тюрьма напоминала чрево огромного больного зверя. Стены пульсировали от эха далеких стонов и лязга задвижек. Кристина шла по коридору блока «С», но ее шаги не рождали звука, если она сама этого не желала. Она больше не подчинялась физике этого мира. Место прибытия: камера 412. За стальной дверью в зловонной полутьме спал Борис. Для Кристины двери были лишь тонкой вуалью, которую она отодвинула без малейшего усилия.

В камере время замерло, превратившись в густой, пахнущий плесенью кисель. Кристина стояла над спящим Борисом, и ее призрачный силуэт пульсировал мягким светом. Она медленно протянула руку. Когда ее пальцы коснулись засаленной, влажной от пота подушки, тюремные стены не просто исчезли — они разлетелись в прах, обнажая изнанку чужого греха.

Реальность меняла свои очертания так быстро, будто кто-то листал журнал в поисках нужной страницы. Вот она.

Холод бетона внезапно стал удушливой жарой перегретой квартиры. Кристина почувствовала, как ее призрачная легкость сменяется чужой неповоротливой плотью. Теперь она смотрела на мир глазами Елены. Женщина лет сорока, невысокая уставшая брюнетка с глазами, полными любви. В руках — сумка с продуктами для семейного ужина, в ушах — гул собственного сердца, бьющегося в ритме надвигающейся катастрофы.

Это был вторник. Обычный будний день, пахнущий жареным луком и домашними делами. Елена вошла в квартиру. Она слышала, как за окном гудят машины, как где-то этажом выше работает телевизор — мир жил своей жизнью. Она бросила сумку на банкетку и сделала шаг к комнате дочери. В прихожей было тихо — та самая «хорошая, любящая» тишина, которой Елена так гордилась. Но чем ближе она подходила к двери, тем сильнее воздух наэлектризовывался, будто молния вот-вот ударит прямо в сердце.

Елена толкнула дверь.

Время замедлилось до частоты кадра. В комнате пахло детским тальком и чем-то животным, грязным. Борис. Он не ожидал ее. Она перевела взгляд на кровать.

Там, сжавшись в комок, лежала ее «волшебная девочка». Маленькая, хрупкая, она не кричала. Она плакала — беззвучно, одними глазами, уставившись в потолок, словно надеялась там найти выход.

В этот момент внутри Елены границы стерлись — это было настоящее извержение вулкана, какого не видели даже Помпеи. Гнев, ярость, стыд, сожаление и отчаяние — все смешалось в одном теле.

Кристина почувствовала, как тело Елены бросилось вперед. Прыжок тигрицы. Она не помнила, как повалила этого огромного потного мужика. Она помнила только звук: тяжелый удар дерева о череп, когда стул, подвернувшийся под руку, превратился в орудие правосудия.

— Тваааарь! — этот крик принадлежал всем жертвам в мире.

Она сидела на нем сверху, вбивая его голову в ковер. Пальцы рвали его кожу, из горла вырывался хриплый, бешеный лай. В глазах полопались сосуды, заливая мир багровым цветом. Она видела, как его «самодовольная рожа» превращается в кровавое месиво, и единственное, о чем она жалела — что у нее в руках нет ножа.

Потом были вспышки полицейских сирен за окном и холодные руки, оттаскивающие ее от окровавленного тела. Когда полицейские, наконец, ослабили хватку, Елена не упала. Она бросилась к кровати. Мир вокруг сузился до размеров смятого одеяла.

— Моя маленькая… моя жизнь… — её голос был сорванным, хриплым, он больше не принадлежал той покорной женщине.

Она потянулась к дочери, но на мгновение замерла, боясь, что ее собственные руки, только что сжимавшие горло монстра, напугают ребенка. Но девочка, увидев мать, издала тонкий, надрывный звук — как раненый зверек, который наконец-то узнал своего взрослого. Вцепившись в тело матери девочка выплеснула весь свой страх и слезы.

Елена нырнула под одеяло, загребая дочь в охапку, прижимая ее голову к своей груди так сильно, словно пыталась вдавить ее обратно в свое чрево, в единственное место, где она когда-то была в безопасности. Они сплелись в один дрожащий клубок. Елена раскачивалась из стороны в сторону, закрывая собой ребенка от окровавленного монстра, от полицейских, от памяти об этом дне, от всего мира.

— Я здесь. Я здесь, слышишь? Его больше нет. Он никогда, никогда больше не коснется тебя. Я убью его, если он просто посмотрит в нашу сторону.

Она целовала соленые щеки дочери, ее лоб, спутанные волосы, и с каждым поцелуем из Елены выходил тот самый «зверь», оставляя после себя лишь бесконечную черную нежность. Она плакала вместе с ней слезами, что вымывают остатки прежней жизни.

В этот момент Кристина ощутила, как их общая боль превращается в гранит. Это было не просто утешение, а обряд инициации. Елена баюкала не только дочь, она баюкала собственную

растерзанную душу, пытаясь склеить осколки реальности словами «всё хорошо», зная, что «хорошо» уже не будет. Но будет «иначе». Без него.

Рывок. Ледяная тишина камеры 412. Кристина отдернула руку от подушки. Ее лицо, обычно бледное и спокойное, сейчас горело яростью. Теперь она знала все. И теперь ее присутствие в этой тюрьме обрело окончательный смысл. Она не просто тюремный психолог. *Она — финал чужих историй.*

Борис вывалился из сна в пульсирующую темноту камеры. Воздух в легких замерз, превратившись в колючую крошку. Он судорожно хватал ртом пустоту, не понимая, почему из него выкачивают тепло. Вокруг не было никого — только стены и равнодушный бетон.

Кристина стояла над ним. Ее взгляд был неподвижным, как у статуи, но внутри этого взгляда бушевал пожар, украденный из памяти Елены. Она была лишь присутствием — тем самым давящим чувством, от которого волосы на загривке встают дыбом.

Кристина медленно опустила ладони и обхватила запястье Бориса.

Тот попытался взвыть, но звук застрял в горле. Ощущение было такое, будто его руку окунули в сухой лед. Абсолютная судорога смерти. Кристина сжимала пальцы все сильнее, и когда она остановилась, Борис заметил на своем запястье темные следы, словно какой-то мертвец не хотел его отпускать от себя. Он рванулся в сторону, ударившись плечом о стену, но незримая хватка не ослабла ни на миллиметр. Кристина смотрела прямо в его расширенные, полные безумия зрачки. В этот миг она транслировала ему не слова, а образы того рокового дня, когда он сломал хрупкий детский мир.

Кристина разжала пальцы и Борис рухнул на койку, баюкая руку. При тусклом свете из коридора он увидел, как на коже все отчетливее проступают мертвенно-фиолетовые пятна. Пять отчетливых вмятин. Клеймо.

Утро в блоке «С» началось со скрежета засовов. Борис не встал по звонку. Он сидел, вжавшись в угол, и лихорадочно натягивал рукав робы, чтобы скрыть отметины. Но он помнил о своих намерениях в сторону Джейка. Он не мог посрамить свой авторитет перед шакалами, которые слышали его угрозы.

Джейк в это время в блоке «В» зашнуровывал ботинки. Его руки не дрожали. Напротив, он чувствовал странную уверенность в своих действия и в своем будущем. Будто за его спиной стояла невидимая армия.

Коридор перед медосмотром напоминал очередь в газовую камеру. В воздухе санчасти стоял тяжелый запах хлорки и несвежих тел. Борис шел в толпе заключенных, пряча правую руку в кармане робы. Боль в запястье была тупой и пульсирующей, но ярость, которую он подкармливал значимостью своего авторитета, оказалась сильнее ночного страха. Он видел, как на него смотрят сокамерники — «шакалы» из блока «С». Они ждали крови. Для них Борис был не человеком, а символом власти, и если бы он не исполнил свою угрозу, эта власть рассыпалась как сухой песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.